

«Веймарская Россия?» – заметки об одном спорном понятии*

Все аналогии «хромают». Это правило касается и сравнения между постсоветской Россией и веймарской Германией, которое пустил в обиход в начале 90-х годов Александр Янов. Но несмотря на это между двумя государственными образованиями видны поразительные сходства, на которые я хотел бы указать в первой части статьи. Во второй части я перейду к различиям.

I. Аналогии между веймарской республикой и постсоветской Россией

1. Легенда о «внутреннем враге»

Политическую культуру веймарской республики с самого ее возникновения отравляла легенда об „ударе ножом в спину». Сочинили ее представители господствующих кругов, которые в годы первой мировой войны диктаторски правили страной и после неудачи весеннего наступления 1918 г. прекрасно понимали, что военная мощь Германии полностью исчерпалась, что без немедленного прекращения военных действий страну ожидает катастрофа. Но чтобы не нести ответственности за поражение, правящая верхушка передала власть бессильному до сих пор рейхстагу. Таким образом произошла не завоеванная снизу, а подаренная сверху парламентаризация страны.¹

И вот этот неожиданно оказавшийся у власти парламент должен был расплачиваться за военный крах рейха, ответственность за который лежала в первую очередь на военном командовании, которое своей политикой тотальной мобилизации довело страну до полного изнеможения.

Генерал Эрих Людендорф – негласный диктатор рейха в течение последних двух лет войны – утверждал в своих воспоминаниях, что Германия проиграла войну не на внешнем, а на внутреннем фронте. Пацифистские и пораженческие настроения демократической оппозиции якобы разложили боевую мораль ар-

* Эта статья была завершена в начале 2008 г. Ее сокращенная версия была опубликована в журнале *Вопросы философии* (2008. № 4).

¹ Gurian W. *Um des Reiches Zukunft*. Freiburg, 1932; Nipperdey Th. *Deutsche Geschichte 1866-1918*. Vol. 2. *Machtstaat vor der Demokratie*. München, 1992. P. 858-876; Winkler H. A. *Der lange Weg nach Westen*. Vol. 1. *Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik*. München, 2002. P. 361-377; Мисухин Г. Россия в Веймарском зеркале, или Соблазн легкого узнавания // *Pro et Contra*. 1998. № 3. С. 111-123; Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 10-11.

мии.² То есть не всемогущее военное командование, а лишённые во время войны какого-либо политического влияния партии рейхстага были главным виновником поражения. Так родилась легенда об «ударе ножом в спину», вера в то, что стремление Германии к мировой гегемонии рухнуло не вследствие неосуществимости этой мечты, а из-за измены маленькой кучки внутренних врагов.

Эта «теория» поразительно напоминает аргументацию имперски настроенных российских кругов в последние годы перестройки и в постсоветской России. Певец империи Александр Проханов писал в марте 1990 г.: «Впервые не только в истории отечества, но и мира, мы видим, как государство рушится не в результате внешних ударов [...] или стихийных бедствий, а в результате целеустремлённых действий [его] вождей».³

Тон был задан. Все становилось понятным. Крушение советской империи происходило, оказывается, не из-за того, что партия не доверяла народу и душила его стремление к самостоятельности, не потому, что Советский Союз в эпоху третьей (электронной) промышленной революции превратился в живой анахронизм, т.е. в рай бюрократов, построенный на регламентации и подавлении творческой инициативы общества. Нет, виновны во всем были враги косности и застоя, пытающиеся вернуть страну, оторванную от стремительно развивающегося «1-го мира», в мировое сообщество. Однако модернизация страны была невозможной без ослабления патерналистских номенклатурных структур, скреплявших в единое целое и «внешнюю» советскую империю (соцлагерь) и «внутреннюю» (СССР). Но сердцевинной империи был не управленческий «новый класс», а вдохновляющая его идеология – идея пролетарского интернационализма. Эта идея, т.е. «надстройка», была «базисом» СССР. Ведь в названии СССР нет и намёка на то, что страна эта является преемником империи Романовых. Союз Советских Социалистических Республик мог бы существовать в любой части мира, на любом континенте. Важнейшей предпосылкой существования этого государства была вера в непогрешимость партии и ее идеологии. Но ведь уже в брежневские времена в «светлое коммунистическое будущее», за исключением может быть Сулова и ему подобных, не верил никто. Существовала лишь игра в веру, маскарад, в котором участвовало наряду с партией и большинство населения – за исключением диссидентов. Но во время перестройки этот камуфляж рухнул под напором гласности. И у Горбачева не оставалось другого выхода как отказ от 6-ой статьи конституции, закреплявшей ведущую роль партии в стране. Советская империя нуждалась теперь спешно в новом идеологическом фундаменте, скрепляющем ее в одно целое. Но лихорадочные поиски такого фундамента, как известно, не увенчались успехом. Уже в 1927 подобные события с необычайной

² Ludendorff E. *Meine Kriegserinnerungen 1914-1918*. Berlin, 1919; Weimar Russia: Is there an Analogy. <http://globetrotterberkeley.edu/pubs/james.html>; Hanson S.E., Kopstein Je.S. *The Weimar/Russia Comparison // Post-Soviet Affairs*. 1997. Vol. 13, 3. P. 256.

³ Проханов А. *Идеология выживания // Наш Современник*. 1990. С. 3-9; см. также Янов А. *После Ельцина. «Веймарская Россия»*. М., 1995; Hanson, Kopstein. *Weimar*. P. 266.

проницательностью предвидел основоположник евразийского движения князь Николай Трубецкой. Он писал тогда, что время единовластного господства русских в России в связи с растущим национальным сознанием нерусских народов ушло безвозвратно. Большевики хорошо это поняли и нашли нового носителя российского единства: вместо русского народа – пролетариат. Но это лишь кажущееся решение вопроса, продолжает Трубецкой. Национальные чувства рабочих куда сильнее их классовой солидарности. Если Россия хочет оставаться единым государством, она должна найти нового носителя своего единства и таковым с точки зрения Трубецкого может быть только евразийская идея, подчеркивающая общность между народами России-Евразии.⁴

Слабостью евразийской идеи – и в прошлом и в настоящем – является однако то, что она так и не смогла добиться широкого признания, «овладеть массами» и таким образом предотвратить распад СССР.

Всем этим глубинным историческим процессам, которые привели к тектоническим сдвигам на всем пространстве между Эльбой и Владивостоком, ностальгически настроенные круги в постсоветской России не придают никакого значения. Для них дезинтеграция советской империи была всего лишь результатом заговора кучки «внутренних врагов».

2. Отрицание Запада

Кроме легенды об «ударе ножом в спину» многие национал-патриотические круги в постсоветской России объединяет с веймарской правой радикальное отрицание Запада.

После поражения якобы «не побежденной на поля боя» нации в первой мировой войне немецкие националисты все настойчивей демонизировали как победителей, так и отстаиваемые ими демократические ценности. Суровость Версальского договора, по своему характеру, кстати, не слишком сильно отличавшегося от заключенного немцами победоносного мира на востоке в марте 1918 года (Брест-Литовский мир) поборники национального реванша считали вполне достаточным основанием для того, чтобы смести существующий европейский уклад. Оскорбленное национальное самолюбие стало господствующим мотивом их образа мыслей, определяло их тактику; соображения касательно общеевропейского и христианского наследия уже не играли никакой роли: «Мы – притесняемый народ», – писал в 1923 г. один из провозвестников так называемой Консервативной революции Артур Меллер ван ден Брук: «Скудная территория, на которую нас отгеснили, таит в себе огромную опасность, от нас исходящую. Не следует ли нам строить нашу политику на основе этой опасности?»⁵

⁴ Трубецкой Н. Общеевропейский национализм // Евразийская Хроника. 1927. № 7. С. 28-29.

⁵ Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931. P. 71-72.

Заимствованный у Запада либерализм был провозглашен сторонниками Консервативной революции и других националистических группировок смертельным врагом немцев. Для Меллера ван ден Брука либерализм был «моральным заблуждением нации», свободой от каких бы то ни было убеждений, выдаваемой за убеждения.⁶

Характерная для консервативных революционеров псевдоэтическая установка проявляется здесь особенно отчетливо. Те, кто из-за допущенной в Версале несправедливости были готовы разрушить весь европейский порядок, кто готов был насмехаться над гуманизмом, не задумываясь бросали либерализму упрек в равнодушии к морали. Неудивительно, что этот морализаторский имморализм, заранее отпускавший грехи своим единомышленникам, но изображавший своих противников неисправимыми преступниками, многим казался весьма заманчивым.

Установление либеральной системы в Германии представлялось немецкими критиками Запада следствием коварных интриг западных демократий. Запад обладает иммунитетом против либерального яда, он не принимает всерьез либеральные принципы, утверждал Меллер ван ден Брук. Напротив, в Германии либерализм был воспринят буквально. Поэтому его разлагающие принципы сумели привести страну к гибели. Западные государства, неспособные одолеть немцев на поле брани, пытаются сделать это путем либерально-пацифистской пропаганды. И наивные немцы позволили отравить себя этим ядом.⁷

Жалость сторонников Консервативной революции к самим себе была столь же безгранична, как и их мания величия. Получалось, что единственным средством способным облегчить страдания немцев, было мировое господство. Меллер ван ден Брук разъяснял: «Власть над миром – единственная предоставленная перенаселенной стране возможность выжить. Наперекор всем препятствиям порыв людей в нашей перенаселенной стране направлен туда же, его цель – пространство, которое нам необходимо.»⁸

Парламентская демократия представлялась ее немецкими недоброжелателями как «лишенная рыцарских начал». Ноябрьская революция 1918 г. не была в состоянии защитить страну от внешнего врага, пишет Эрнст Юнгер. Поэтому от нее отвернулись солдаты. Эта революция, по мнению Юнгера, отвергла такие понятия как «мужество, отвага, честь».⁹ Освальд Шпенглер в свою очередь говорит о «неописуемой мерзости ноябрьских дней»: «Ни одного властного взгляда, ничего вдохновляющего, ни одного значительного лица, запоминающегося слова, дерзкого преступления».¹⁰

⁶ Ibid. P. 69-71.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 63, 71-72.

⁹ См. Bastian K.-F. Das Politische bei Ernst Jünger. Diss. Heidelberg, 1963. P. 66.

¹⁰ Spengler O. Preußentum und Sozialismus. München, 1920. P. 11; К теме «консервативная революция» в Веймарской республике см. также Rauschnig H. The Conservative Revolution. N.Y., 1941; Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland. Der Grundriß ihrer

Демонизация западных ценностей характерна также и для многих национал-патриотически настроенных кругов постсоветской России. Своего рода рупором и идеологом этих сил является уже многие годы Александр Дугин. Издаваемый Дугиным в 90-е годы журнал «Элементы» рисует либерализм как «наиболее последовательную и радикальную форму ... европейского нигилизма», как воплощение духа антитрадиции, цинизма и скепсиса. Либерализм якобы разрушает любую духовную, историческую и культурную непрерывность, он просто враг человечества. Как роковую ошибку рассматривают «Элементы» то, что «либерализм» и «демократия» зачастую выступают синонимами. На самом деле либерализм не имеет ничего общего с демократией – властью народа. Защитники либерализма представляют собой небольшую, одержимую жаждой власти и никем не избранную элиту, которая использует демократическую риторику только затем, чтобы создать у народа иллюзию его причастности к политическим решениям верхушки.¹¹

Также как и веймарская правая, российские национал-патриоты отрицают пропагируемый Западом универсализм и являются страстными защитниками культурного партикуляризма и особых национальных путей. Прозападно настроенные круги обвиняются в недостаточном патриотизме. Такого рода обвинения прямо-таки обезоруживали и немецких и российских «западников». Они пытались во что бы то ни стало доказать, что судьба отечества им не безразлична. О «непобежденной на поле боя армии» заговорил впервые глава немецких социал-демократов Фридрих Эберт приветствуя от имени возникшего в Германии в ноябре 1918 революционного правительства возвращающихся с фронта солдат. Но все эти заверения в любви к отечеству не помогли ни социал-демократам, ни другим демократически настроенным политикам реабилитировать себя в глазах

Weltanschauung. Stuttgart, 1950; Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1968; Sontheimer K. Der Tatkreis // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1958. Vol. 6. P. 229-260; Kuhn H. Das geistige Gesicht der Weimarer Republik // Zeitschrift für Politik. 1961. Vol. 8. P. 1-10; von Klemperer K. Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1962; Stern F. Kulturpessimismus als politische Gefahr. Bern, 1963; Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993; Luks L. „Eurasier“ und „Konservative Revolution“. Zur antiwestlichen Versuchung in Rußland und in Deutschland // Deutschland und die Russische Revolution 1917-1924 / Ed. Gerd Koenen, Lew Kopelew. München, 1998. P. 219-239.

¹¹ Элементы. 1994. № 5. С. 5; К идеологии Дугина и журнала *Элементы* см.: Янов. После Ельцина; Геополитическое положение России. Представления и реальность. М., 2000; Люкс Л. «Третий путь» или назад в Третий Рейх? О «неоевразийской» группе «Элементы» // Вопросы философии. 2000. № 5. С. 33-44; Luks L. Eurasien aus neototalitärer Sicht – Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Rußland // Totalitarismus und Demokratie. 2004. Vol. 1. Heft 1. P. 63-76; Mathyl M. Der „unaufhaltsame Aufstieg“ des Aleksandr Dugin // Osteuropa. 2002. Vol. 52. Heft 7. P. 885-900; Umland A. Postsowjetische Gegeneliten und ihr wachsender Einfluß auf Jugendkultur und Intellektuellendiskurs in Rußland. Der Fall Aleksandr Dugin (1990-2004) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2006. Vol. 10. Heft 1. P. 115-147; Уmland А. Три разновидности постсоветского фашизма. Концептуальные и контекстуальные интерпретации современного русского ультранационализма // Русский национализм: идеология и настроение. М., 2006. С. 223-262.

правых. Для последних демократы оставались изменниками родины, внутренним врагом, служившим интересам внешнего врага, т.е. Запада.

И здесь видно определенное сходство с судьбой демократов в ельцинской России.

Когда Ельцин и его единомышленники устранили в августе 1991 года коммунистическую диктатуру, они выступали не только под демократическими знаменами, но и под национальными русскими. Настроение подъема, царившее в Москве сразу после поражения коммунистического путча, очень напоминало атмосферу франкфуртской Паульскирхе в 1848 году (там заседало Национальное Собрание), когда идея свободы и национальная идея соединились в одно целое. Нельзя, однако, забывать, в каком направлении пошло развитие немецкого национального движения, так как целью, к которой оно стремилось, была не только свобода, но и великодержавная мощь. Характерным признаком этого поворота в немецком национальном движении была дискуссия в Паульскирхе в июле 1848 г. по польскому вопросу. До тех пор солидарность с угнетенной Польшей была своего рода поверкой для либерально настроенных кругов в Европе и Германии. Однако это чувство солидарности заметно ослабело после начала революции 1848 года.¹²

Похожая ситуация складывалась в России после отстранения КПСС от власти. Победившие демократы все чаще говорили о национальных интересах России и все реже о солидарности с малыми народами. Многие демократы, выступавшие еще до августа 1991 г. за «возвращение России в Европу», после августовских событий заговорили «об особом пути России». Сторонники прозападной ориентации в российской политике, в первую очередь министр иностранных дел А. Козырев, выставлялись их критиками как политики, лишённые корней, далеко отошедшие от традиций своей страны. Вскоре после победы демократов один из советников Ельцина Е. Кожокин заявил: «Придя к власти западники должны перестать быть западниками. Западником можно быть только в оппозиции».¹³

Национально настроенные круги демократического лагеря упрекали прозападные группировки в правительстве в безмерной уступчивости по отношению к Западу, а также по отношению к ближайшим соседям России. Так, политический советник Президента России С. Станкевич заявил: «Наши соседи зачастую рассматривают Россию не как государство, а как грудку, своего рода реликт, от которого можно отрезать ту или иную часть».¹⁴ Председатель Комитета внешней политики Верховного Совета Е. Амбарцумов добавил, что понятия национальной

¹² Kaehler S.A. Realpolitik zur Zeit des Krimkrieges – eine Säkularbetrachtung // Historische Zeitschrift. 1952. Vol. 174. P. 418; Gollwitzer H. Europabild und Europagedanke. Beiträge zur deutschen Geistesgeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts. München, 1964. P. 262. Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1800-1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1983. P. 627-630; Wehler Hans Ulrich. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vol. 2. Von der Reformära bis zur industriellen und politischen „Deutschen Doppelrevolution“. München, 1987. P. 743-744.

¹³ Московские Новости. 16.8.1992.

¹⁴ Россия 1992-й // Комсомольская правда. 26.5.1992.

гордости, национальной принадлежности и национальных интересов являются на Западе совершенно естественными. Почему же они не должны распространяться и на Россию?

Однако эта борьба российских демократов в защиту национальных интересов не реабилитировала их в глазах «непримиримой оппозиции». Для национал-патриотов демократы – это в первую очередь разрушители великой империи и агенты западных победителей в холодной войне, создавшие на российской территории антинациональный режим. Так что российским демократам не удалось, несмотря на их

национальную риторику, также как в свое время и их единомышленникам в веймарской Германии, преодолеть пропасть отделяющую их от их радикальных оппонентов. Но с другой стороны тот факт, что демократы в обоих случаях в какой то мере приспособились к аргументации своих противников, привел к тому, что они утратили инициативу в политическом дискурсе.

3. Новая диаспора

После первой мировой войны Германия потеряла 1/7 своих территорий. В первую очередь присоединенные к рейху в 1871 г. Эльзас и Лотарингию на западе и часть территорий с польским большинством на востоке. Особенно потеря польских территорий возмущала немцев, так как они должны были уступить 46.000 кв. км. территорий и проживающее там немецкое меньшинство государству, которое возникло всего лишь после первой мировой войны, т.е. в отличие от Франции не принадлежало к державам-победительницам. Стремление к пересмотру германских границ на Востоке было аксиомой внешней политики веймарской республики. Американский историк Харальд фон Рикхоф пишет, что это стремление приняло почти мистические черты и добавляет: Тот факт, что после 1918 года определенная часть немецкого населения попала под польское господство, в Германии считали своего рода патологией, а то, что до этого в течение многих поколений немалая часть поляков жила под немецким господством, считался чем-то естественным и само собой разумеющимся.¹⁵

Не меньшим шоком и для россиян был тот факт, что после распада СССР Крым, Донбас, Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия с проживающим там русским меньшинством оказались за границей. Те авторы, которые проводят параллели между постсоветской Россией и веймарской Германией указывают не в последнюю очередь на проблему «новой диаспоры» и на попытки обоих государств

¹⁵ von Riekhoff H. German-Polish Relations 1918-1933. Baltimore, 1971. P. 265; см. также Weimar Russia: Is there an Analogy. <http://globetrotterberkeley.edu/pubs/james.html>; Hanson, Kopstein. Weimar. P. 256; Brubaker Rogers. Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge, 1996. P. 125-126.

повлиять на судьбу соотечественников, превратившихся из привилегированного слоя населения нередко в ущемляемое в своих правах меньшинство.

Позиция Москвы по отношению к 25 миллионам русских, проживающих за российскими границами, вызывает озабоченность на Западе и Востоке. При этом нередко проводятся параллели с демагогическим использованием проблемы немецких национальных меньшинств после 1918 года. Американский политолог Фрэнсис Фукуяма сразу после распада СССР посоветовал московским политикам воспользоваться опытом Турции после первой мировой войны. Благодаря реформам Кемаля Ататюрка Османская империя в кратчайшие сроки стала современным национальным государством. Новая Турция отказалась от панисламистских и пантурецких претензий и предоставила проживающие за границей тюркские народы своей собственной судьбе.¹⁶

Советник российского президента Станкевич критически отнесся к совету Фукуямы. Судьба турок или тюркских народов, проживающих за границей, ни в каком случае не оставила Анкару равнодушной, заявил он. Об этом свидетельствует интервенция на Кипр в 1974 году, предпринятая, по утверждению правительства Турции, для защиты турецкого меньшинства на острове. Как полагает Станкевич, нельзя также забывать о том, насколько интенсивными были усилия Турции по включению в сферу своих интересов ставших независимыми тюркских государств на территории бывшего Советского Союза. Подобная позиция, с точки зрения Станкевича, абсолютно естественна: «Нормальность» Турции проявляется в том, что она имеет собственные геополитические интересы и стремится их обеспечить. Таких же прав Станкевич добивался и для России.¹⁷

4. Переход от полузакрытого к открытому обществу

Веймарская республика, т.е. «первая немецкая демократия», была самым свободным государственным образованием в истории Германии за исключением ФРГ. Об этой свободе мечтали немцы давно, чуть ли не со времен освободительной войны против Наполеона в 1813 году. Девизом немецкой революции 1848 года были «Свобода и государственное единство!». Однако революция не смогла осуществить ни того, ни другого.

Правда, четверть века спустя Бисмарку удалось объединить Германию, но сделал он это авторитарным путем. Полной свободы немцы смогли добиться лишь вследствие ноябрьской революции 1918 года свергнувшей правящие династии и передавшей всю полноту власти обществу. Но эйфорических настроений эта неожиданно завоеванная свобода почти не вызвала, что и неудивительно. Установ-

¹⁶ Фукуяма Фрэнсис. Неясность национального интереса // Независимая газета. 16.10.1992.

¹⁷ Станкевич С. Россия уже сделала антиимперский выбор // Независимая газета. 6.11.1992; см. также Weimar Russia: Is there an Analogy. <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/melville.html>; Brubaker. Nationalism. P. 107-109, 135-147; Ларюэль М. «Русская диаспора» и «русские соотечественники / Демократия вертикали. М., 2006. С. 185-212.

ление демократического строя ассоциировалось в Германии с поражением в мировой войне, с унижительным версальским договором, потерей территорий, репарациями, а также с глубочайшим экономическим кризисом, который достиг своего апогея в 1923 году небывалой в истории Германии инфляцией.

Все эти процессы напоминают то, что происходило в России после краха советского режима и в период зарождения «2-й русской демократии». Правда «2-ая русская демократия» не была, в отличие от веймарской республики, самым свободным государственным образованием во всей предыдущей истории страны. Строй, возникший в России после февральской революции 1917 года, был не менее свободным.

В апреле 1917 года Ленин назвал Россию «самой свободной страной в мире из всех воюющих стран»,¹⁸ и он же, несколько месяцев спустя, попытался обуздать эту свободу, что ему после большевистской победы в гражданской войне в конце концов и удалось. «Самая свободная страна мира» превратилась в первое в мире тоталитарное государство. Правда, после смерти Сталина характер коммунистической диктатуры существенно изменился. Власть имущие отказались от массового террора и тоталитарный строй превратился в полутоталитарный или даже патерналистски авторитарный. Но общество как таковое оставалось марионеткой в руках правящей номенклатуры и лишь во время перестройки оно перешло из «закрытого» в «полуоткрытое» состояние. Окончательное его освобождение произошло в августе 1991 года на баррикадах у Белого дома. Но также как и в веймарской Германии, это освобождение только на короткий срок вызвало эйфорическое настроение. Ведь после «августа» наступил «декабрь» (распад СССР), «январь» (шоковая терапия, которая в первые годы была связана с гиперинфляцией, с сокращением валового продукта в 1992 на 23%, и понижением уровня жизни населения чуть ли не на половину).

Очень быстро российские реформаторы растратили свой капитал доверия. Дискредитации демократической идеи способствовала и конфронтация между исполнительной и законодательной властью (президент/Верховный совет), завершившаяся роспуском парламента и обстрелом Белого дома.

Все эти события нанесли глубокую травму общественному сознанию, и одним из ее последствий было сокрушительное поражение демократов во время думских выборов в декабре 1993 года. Россия оказалась перед дилеммой, перед которой стояла когда-то веймарская Германия, когда радикальные антидемократы одержали неожиданную победу на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 года. Эту дилемму один из лидеров СДПГ Рудольф Гильфердинг сформулировал так: «Утверждать демократию против воли большинства, которое отвергает демократию, и причем утверждать ее, действуя на основе политических средств, предостав-

¹⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1958-1965. Т. 31. С. 114-115.

ленных демократической конституцией – это почти что решение квадратуры круга».¹⁹

5. Реванш свергнутых элит

Начавшаяся 9 ноября 1918 г. революция в Германии качественно отличалась от французской революции 1789 и русской 1917 года. В отличие от двух последних она не переходила от умеренной к более радикальной стадии, а наоборот: радикально начав, она становилась все более и более умеренной. Ее главной политической силой была социал-демократическая партия, которая во что бы то ни стало хотела предотвратить развитие революции по русскому образцу 1917 года. Поэтому социал-демократы беспрерывно боролись против своего леворадикального крыла, замороженного опытом большевистского Октября. Влияние этих экстремистских группировок на традиционно умеренный рабочий класс Германии было маргинальным. 80% депутатов избранных на берлинский съезд Советов состоявшийся в середине декабря 1918 г. отвергало советскую модель и высказалось за преобразование Германии в парламентскую республику.²⁰ Но несмотря на все это, социал-демократическое большинство в Совете народных уполномоченных (СНУ), который правил в Германии начиная с 10-го ноября 1918 г. видело главную угрозу для немецкой демократии не справа, а слева.

Кульминацией хаотических попыток левых экстремистов вызвать в Германии революцию по «русскому образцу» было начавшееся 5-го января 1919 г. восстание в Берлине. СНУ удалось без труда подавить это восстание, однако он воспользовался при этом не только регулярными войсками, но и праворадикальными корпусами добровольцев. Как отмечал в середине 30-х годов хронист Веймарской республики Артур Розенберг, использование крайних противников демократии для защиты республики было непростительной ошибкой правительства.²¹

На самом деле, восстание в Берлине было подавлено уже через несколько дней, 12-го января. Но социал-демократическое правительство утратило контроль над военщиной, которая теперь своими силами стала вершить самосуд. Жертвами расправ стали также и вожди созданной 31-го декабря 1918 г. Коммунистической партии Германии Карл Либкнехт и Роза Люксембург, которые были убиты 16 января.

¹⁹ Hilferding R. In Krisennot // Die Gesellschaft. 1931. Vol. 7. P. 1.

²⁰ Winkler. Der lange Weg nach Westen. P. 385-386; Blasius D. Weimars Ende. Bürgerkrieg und Politik 1930-1933. Göttingen, 2006. P. 17-18; Weimar Russia: Is there an Analogy. <http://globetrotterberkeley.edu/pubs/feldman.html>.

²¹ Rosenberg A. Geschichte der Weimarer Republik / Ed. K. Kersten. Frankfurt/Main, 1961; Не иначе оценивают тогдашнюю ситуацию и некоторые современные авторы. Берлинский историк Генрих Август Винклер в 1990 г. писал: «[Социал-демократы] прежде всего стремились предотвратить экономический и политический хаос; они переоценивали опасность слева и недооценивали опасность справа (Winkler H.A. Die Revolution von 1918/19 und das Problem der Kontinuität in der deutschen Geschichte // Historische Zeitschrift. 1990. Vol. 250. P. 307).

Острая реакция социал-демократов на действия бывшего левого крыла их собственной партии была вызвана не только преувеличенным страхом перед анархией, но и тем, что социал-демократическое правительство хотело продемонстрировать свой патриотизм, тождество своих интересов с внутренними и внешними интересами германского государства. Германские социал-демократы, которых правые годами обвиняли в том, что они совершенно не привязаны к своему отечеству, хотели доказать, что судьба Германии им не безразлична.

Итак, ноябрьская революция, свергнувшая монархию и внесшая вначале панику в ряды правящих консервативных элит, ограничилась в борьбе со старым режимом всего лишь полумерами. Его управленческие, экономические и даже военные структуры (несмотря на ограничения версальского договора) остались почти нетронутыми. Все предпосылки для реванша свергнутых в ноябре 1918 г. элит были налицо. Но это стремление к преемственности, к преодолению возникшего вследствие революции разрыва охватило со временем и широкие слои населения. Символизировало этот рост ностальгических настроений избрание в 1925 году престарелого фельдмаршала Гинденбурга, который никогда не смирился с республиканским строем и оставался убежденным монархистом, президентом рейха.²² При этом надо добавить, что это избрание произошло именно в тот момент, когда Веймарской республике удалось преодолеть послевоенный кризис, стабилизировать экономику, в период, когда демократические партии так называемой веймарской коалиции достигали наибольших успехов в парламентских выборах.

Эта двойственность показывает, каким хрупким государственным образованием была Веймарская республика, в которой демократические правила игры все еще не превратились в „the only game in town“, по выражению современных политологов Х.Линца и А.Степана.

Так как президент был своего рода гарантом веймарской конституции и мог в кризисных ситуациях вводить в стране чрезвычайное положение (48-ая статья конституции), антидемократические установки Гинденбурга угрожали строю, который он призван был защищать. Его предшественник Эберт, будучи убежденным демократом, пользовался чрезвычайными полномочиями, особенно во время Рурского кризиса 1923, но только для того, чтобы бороться против врагов демократии и справа и слева (и против коммунистической и против нацистской попытки государственного переворота). Такой последовательной борьбы на два фронта от Гинденбурга нельзя было ожидать. Консервативные круги, влияющие на престарелого президента, видели существенную разницу между коммунистами и нацистами, Последних они считали своими потенциальными союзниками. Эта их установка и привела в конце концов к передаче власти Гитлеру и к уничтожению Веймарской демократии.

²² Winkler. Der lange Weg nach Westen. P. 458-461; см. также: Гайдар. Гибель империи. С. 15.

И в постсоветской России, как и в Веймарской Германии, происходит своего рода реванш свергнутых элит.

Августовская революция 1991 г. носила, так же как и ноябрьская революция в Германии, половинчатый характер. Многие русские демократы не желали рассматривать августовские события после подавления путча как революцию, потому что с революцией ассоциировались такие понятия как массовый террор и диктатура. Именно поэтому они отказались от расправы с побежденными в большевистском духе. С точки зрения одного из ведущих представителей демократического лагеря, Г. Попова, это решение имело чрезвычайное значение не только для России, но и для всего мира.

Позднее Ельцин вспоминал, что в сентябре-октябре страна буквально балансировала на краю пропасти. И все же удалось спасти Россию от революции, а человечество – от ее катастрофических последствий. В течение года не стихали призывы к решительной конфронтации, говорил президент. Но ни один из этих призывов не нашел отклика в сердцах русских людей. Именно это Ельцин считал общей победой.

Галина Старовойтова, принадлежавшая к самому решительному крылу в лагере демократов, считала, напротив, непростительной ошибкой демократов то обстоятельство, что они не в полной мере использовали свою победу в августе 1991 г. Именно тогда существовала уникальная возможность радикально обновить аппарат власти, пока он находился в шоке. Но этого не произошло. Прежние силовые и управленческие структуры получили временную передышку, которую использовали для консолидации своих рядов.

В России до сих пор идут споры о том, совершили ли в августе 1991 г. Ельцин и его сторонники ошибку, встав на путь компромиссов, а не революционной борьбы. В этой связи, однако, нельзя забывать, сколь скромной была организационная база Ельцина и его команды в момент их победы. Кроме того, надо добавить, что после победы над общим противником большинство демократических группировок перешло в оппозицию к новому руководству страны. Чтобы не исчезнуть с политической сцены, правительство Ельцина было вынуждено искать компромисс с прежними структурами, готовыми смириться с реформами. Здесь видно определенное сходство с поведением большевиков после 1917 года. Хотя большевики считали свою революцию самым радикальным переворотом в истории, им через несколько месяцев после прихода к власти пришлось искать поддержки у «буржуазных специалистов», т.е. у представителей «старого мира», который большевики хотели полностью разрушить. Иначе режим просто не смог бы обеспечить свое существование. Однако у большевиков было в распоряжении одно чрезвычайно действенное средство, чтобы заставить «классовых врагов» работать на себя – «красный террор». Таким средством победители в августе 1991 года не располагали. Чтобы склонить к сотрудничеству наиболее гибкие элементы прежних структур, им пришлось апеллировать к их интересам и одно-

временно убеждать их в том, что реставрация старого режима не может быть осуществлена ни при каких обстоятельствах.

Но частичная реставрация все же произошла. В декабре 1992 г., на 7-ом съезде народных депутатов, Ельцин, под давлением парламента должен был отправить автора «шоковой терапии» Гайдара в отставку. Его преемник, Черномырдин, представитель промышленного лобби, дистанцировался от радикальной рыночной концепции предшественника. Оправившись от августовского, а потом и от октябрьского (1993 г.) шока, управленческие группировки начали контрнаступление против зародившегося уже во время перестройки гражданского общества, против вырвавшихся на свободу субъектов федерации и против накопивших баснословные суммы олигархов. Пока Ельцин был у власти, это контрнаступление не принимало характер реставрации рухнувших в 1991 г. порядков. Будучи убежденным реформатором, Ельцин, несмотря на сближение с управленческими структурами старого режима, был, как в свое время Эберт в Германии, помехой для такого поворота колеса истории вспять. При его преемнике положение изменилось. «Управляемая демократия» Путина не только усилила контрнаступление управленческих структур на гражданское общество, начатое уже при Ельцине, но также и качественно изменила характер государственной системы. Парламент, федерационные структуры, СМИ, олигархи, которые были противовесом силовым ведомствам, в значительной мере потеряли свою самостоятельность и превратились в большинстве случаев в инструменты госаппарата. Россия начала возвращаться на круги своя, когда «государство пухло, а народ хирел» (Ключевский). Такого свертывания гражданского общества и плюралистических институтов, которое наблюдается в путинской России, не было в Веймарской Германии – даже в эпоху президентского правления начиная с 1930 года. И здесь я хотел бы перейти к различиям между Веймарской республикой и постсоветской Россией.

II. Различия между веймарской Германией и постсоветской Россией

1. Предыстория

То что путинской «управляемой демократии» «удалось» на много более основательно демонтировать гражданское общество, чем созданному в 1930 году президентскому правительству в Веймарской республике показывает, что общественное развитие в обоих государственных образованиях существенно отличалось друг от друга. Плюралистические структуры в Веймарской Германии находились

на более высокой ступени развития чем в постсоветской России,²³ и эти различия тесно связаны с различной предысторией обоих государств. Предшественник Веймара – созданный в 1871 году 2-ой немецкий рейх – был, несмотря на его полufeодальный и патриархальный характер, правовым государством с многопартийной системой, независимыми общественными организациями и более или менее свободной прессой. Хотя оппозиционные партии, особенно социал-демократия, и некоторые конфессиональные и национальные меньшинства (католики, поляки) периодически преследовались, однако у дискриминированных групп всегда оставались правовые лазейки, которые им позволяли пережить периоды наиболее интенсивных гонений и со временем вернуться в прежней силе на политическую или общественную сцену.

Ничего подобного не существовало в предшествующем «2-ой русской демократии» Советском Союзе, за исключением горбачевского периода. Гражданское общество, построенное в России после революции 1905 года и полностью освободившееся в феврале 1917 г. от государственной опеки, было уничтожено большевиками, а вместе с ним и институт частной собственности (особенно в сталинский период), который гарантирует обществу определенную степень независимости от государства. Итак, «вторая русская демократия» входила на политическую сцену почти без опыта конкурентной политической борьбы и организованного отстаивания прав и интересов отдельных общественных групп. То, что демократам с такой легкостью удалось в августе 1991 года разгромить правящий аппарат, связано было не с их силой, а со слабостью противника, который из-за эрозии коммунистической идеологии переживал чрезвычайно глубокий кризис идентичности и поэтому потерял способность к сопротивлению. Когда же управленческий аппарат оправился от шока поражения и начался уже описанный бюрократический реванш, оказалось, что гражданское общество в России еще не успело выйти из своего аморфного состояния и не в силах оказывать хорошо организованному управленческому классу эффективное сопротивление. Эти поражения демократов были связаны, не в последнюю очередь, и с тем, что они переживали кризис идентичности. Дискредитация демократических идей в глазах широких слоев населения в связи с трудностями перехода от «закрытого» к «открытому» обществу, лишила демократов той уверенности в себе, которая была для них характерна в последние годы советской власти. Они плыли уже не с течением, а против него. И действительно, постепенный демонтаж плюралистических структур при помощи методов «управляемой демократии» не вызвал особых протестов населения. Наряду с дискредитацией демократической идеи такой реакции общества способствовал и факт, что эти процессы происходили параллельно с экономической стабилизацией (в первую очередь благодаря высоким мировым ценам на нефть и другие энергоносители). Кроме того, стремле-

²³ См. Hanson, Kopstein. Weimar; Hanson Stephen E. Postimperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia // East European Politics and Societies. Vol. 20. Nr. 2. P. 343-372.

ние путинской команды к «огосударствлению» общества соответствовало традиционным представлениям многих россиян о роли государства как гаранта общественной справедливости и благосостояния нации. Бунты и революции происходили в России в первую очередь из-за того, что государство не справлялось с этой ролью, а не потому, что общество пыталось перетянуть эти функции на себя.

2. Угроза справа и слева

Веймарская демократия постоянно боролась с двумя угрозами – справа и слева. Гитлер всплыл на волне страха правящих слоев перед большевистской опасностью. Этот страх едва ли имел под собой основания. В Германии начала 30-х годов конфликт между социал-демократами и коммунистами, спровоцированный в первую очередь из Москвы сталинским руководством, парализовал рабочее движение, практически лишив его всякой дееспособности. Несмотря на это правящие круги Германии панически боялись «восстания масс», т.е. независимого рабочего движения. Этим страхом воспользовались нацисты. Выступая в январе 1932 г., во время встречи с немецкими промышленниками в Дюссельдорфе, Гитлер утверждал: «Если бы не мы (нацисты – Л.Л.), средний класс в Германии был бы уже уничтожен. А вопрос о власти большевики давно бы решили в свою пользу».²⁴

И хотя аргументация нацистского вождя носила вполне демагогический характер, ему в конце концов удалось убедить власть имущих, что спасти расшатанный господствующий строй в Германии можно лишь опираясь на НСДАП.²⁵

В отличие от своих немецких предшественников нынешние российские правые экстремисты, как правило, мало говорят об опасности слева, более того, в борьбе против установленного в августе 1991 строя они часто оказывались с коммунистами по одну сторону баррикад.²⁶ «Красно-коричневый союз», лишь периодически возникавший в веймарской Германии, в постсоветской России постоянный феномен.²⁷ Эта мешанина «правизны» и «левизны» связана не в по-

²⁴ Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932-1945. Wiesbaden, 1973. Vol. 1. Erster Halbband. P. 87.

²⁵ См. Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935. Stuttgart, 1985. P. 158-161, 193-194; Luks L. Bolschewismus, Faschismus, Nationalsozialismus – verwandte Gegner? // Geschichte und Gesellschaft. 1988. Vol. 14. P. 100-103.

²⁶ Говоря об угрозе постсоветской демократии и «справа» и «слева», некоторые авторы не учитывают в достаточной мере это обстоятельство. См. Hanson, Kopstein. Weimar. P. 267-268.

²⁷ Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994; Люкс Л. Призрак фашизма в посткоммунистической России // его же. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М., 2002. С. 256-266; Shenfield S.D. Russian Fascism. Traditions, Tendencies, Movements. Armonk, 2001; Allensworth W. The Russian Question: Nationalism, Modernization and Post-communist Russia. Lanham, 1998; Соколов М. Национал-

следнюю очередь с аморфным, расплывчатым партийно-политическим ландшафтом в посткоммунистической России, что, в свою очередь, объясняется аморфным состоянием общества, в котором нет классов в общепринятом смысле этого слова. Но есть и другие причины все большего стирания различий между правыми и левыми в современной России. Дело в том, что российские коммунисты, пожалуй впервые после 1917 года, потеряли веру в непрерывный общественный прогресс и в то, что история и ее законы на их стороне.

Напротив, правые экстремисты всегда воспринимали идею прогресса не иначе как с насмешкой. Они никогда не желали и не желают плыть в потоке истории, наоборот, пытаются любой ценой задержать его и повернуть вспять. Повсюду им мерещатся симптомы упадка и разложения, козни могущественного всемирного заговора. Они считают, что предотвратить «закат Европы» можно лишь насильственным уничтожением носителей этого заговора – евреев, масонов, «плутократов», марксистов. Золотой век фашизма – это языческая, дохристианская эпоха. Пафос же коммунизма устремлен в будущее, где произойдет прыжок «из царства необходимости в царство свободы».

Однако этот исторический оптимизм теперь ушел в прошлое. После развала Советского Союза у коммунистов не осталось веры в прогресс и светлое будущее. Внезапное исчезновение второй великой державы, внушавшей страх или же уважение всему миру, кажется им непостижимым событием, они отказываются видеть в нем историческую закономерность. Их «золотой век» находится теперь, также как и у правых радикалов, в прошлом.

Кроме смешения правых и левых позиций постсоветскую Россию отличает от веймарской Германии и то, что в России не наблюдается постоянная радикализация общества и размывание центристских группировок и установок. В России наоборот, радикальные группировки и слева, и справа (КПРФ с одной, ЛДПР с другой стороны), становятся все более «центристскими» и находят общий язык по крайней мере с частью правящих группировок. Этот процесс срастания «непримиримой» оппозиции с государственными структурами усилился после прихода Путина к власти, который в глазах многих национал-патриотов является новым «собирателем земли русской». Создается миф, распространяемый также и рядом официозных публицистов, о ельцинском периоде развала и унижения России и о путинском чуде возрождения российской государственности. В действительности же, если и говорить о «политическом чуде», то надо это понятие применить скорее к ельцинскому периоду. Ведь тогда страна в кратчайшие сроки перешла от плановой экономике к рыночной, от империи к национальному государству, от псевдофедеративного к подлинному федеративному устройству, от коммунистической диктатуры к конституционной системе. И все это произошло без гражданской войны, которую многие предсказывали, не по румынскому или югославскому сценарию. Исключением здесь является чеченская трагедия. Но

большевистская партия: идеологическая эволюция и политический стиль // Русский национализм: идеология и настроение. М., 2006. С. 139-164.

вспомним, как болезненно происходило расставание с империей и в западных демократиях (Франция, Англия, Голландия). Так что предпосылки для выхода страны из чрезвычайно опасного переходного периода созданы были уже при Ельцине, и его преемник продолжил лишь процесс консолидации нового государства, начавшийся в середине 90-х годов.

Сравнивая постсоветскую Россию с веймарской Германией надо подчеркнуть, что и последняя пережила процесс консолидации и стабилизации, начавшийся в 1924 году и завершившийся 5 лет спустя в связи с крахом нью-йоркской биржи в октябре 1929 и началом мирового экономического кризиса. Сможет ли постсоветская Россия выдержать подобное испытание на прочность, которое в свое время разрушило Веймарскую республику? Вопрос этот остается открытым.

3. Роль Запада

Возникновение Веймарской республики было неразрывно связано с Версальским договором, который морально осуждал Германию, называя ее главным виновником мировой войны. Территориальные, экономические и военные рестрикции Версальского договора не воспринимались немцами так болезненно, как это моральное осуждение. Все это усиливало уже описанные антизападные настроения, демонизацию Запада в стране.

Отношения между постсоветской Россией и Западом развивались по совершенно другому сценарию. Хотя Советский Союз *de facto* проиграл холодную войну, *de jure* эта война не знала ни победителей, ни побежденных. Послевоенный экономический кризис в веймарской Германии был не в последнюю очередь связан с тем, что победители требовали от нее уплаты репараций. Лишь после Рурского кризиса 1923 г. Запад изменил свою политику ультиматумов и нажимов и предоставил Германии кредиты для восстановления ее экономики (план Дюуса). Постсоветская Россия же с самого начала могла рассчитывать на кредиты международных финансовых организаций, а также и отдельных западных стран, которые пытались ей помочь преодолеть последствия «шоковой терапии».²⁸

Ожидания связанные с окончанием холодной войны только частично осуществились. «Общий европейский дом», о котором мечтали во время перестройки, не был построен. В связи с событиями в бывшей Югославии и с расширением НАТО на восток отношения между Россией и Западом вновь обострились. Но это почти не остановило процесс интеграции России в мировые экономические и политические структуры. Несмотря на антизападную риторику в Москве и на массивную критику политики Путина в Вашингтоне, Лондоне или в Берлине, сегодняшняя Россия, в отличие от веймарской Германии, это не страна изгой, а равноправный партнер Запада.

²⁸ Hanson, Kopstein. Weimar. P. 270.

Это обстоятельство влияет, конечно, на то, что антизападные настроения в России, особенно в правящем истеблишменте, не достигают такого накала, как это было в Веймаре.

4. Дух времени

На трагическую судьбу веймарской демократии существенно повлиял характер эпохи, в которой она возникла. Это было время обожествления «священного» национального эгоизма (*sacro egoismo*), отрицания политики компромиссов в межнациональной борьбе. Такие политики как Густав Штреземан или Аристид Бриан, пытавшиеся примирить Германию с победившими ее державами, не смогли справиться с шовинистическими настроениями в своих странах, принявших чуть ли не стихийный характер. Уже первая мировая война показала, к каким катастрофическим последствиям приводит такая установка. Но эта война была всего лишь первым этапом саморазрушения Европы, которое достигло своего апогея во время развязанной Гитлером второй мировой войны.

К каким выводам пришли европейцы после опустошительного опыта этой катастрофы? Одним из таких выводов был процесс европейской интеграции, создание Европейского Сообщества, а впоследствии Союза. Принципом ЕС является добровольный отказ членов Союза от некоторых прерогатив национального суверенитета. Почему же многие европейские страны отказываются от части своего суверенитета, которым они так дорожили в течение многих веков? Связано это с трагическим опытом двух мировых войн, которые наглядно показали, к каким ужасающим последствиям приводит обожествление национальных интересов, стремление отдельных государств к гегемониальному господству. Без этого опыта интеграционные процессы, начавшиеся в Европе во второй половине 20-го столетия, были бы немислимы. Принцип, на котором зиждется ЕС – это бесконечный поиск компромиссных решений, а этот поиск связан с непрерывными кризисами и конфликтами. Однако все эти конфликты решаются за столом переговоров, а не на полях сражений, как в прошлом. И уже один этот факт показывает, как невероятно изменилась политическая культура континента, в истории которого мирные эпохи были, как правило, всего лишь короткими передышками между двумя разрушительными войнами. Эти процессы не могли не коснуться и России, теснейшим образом связанной с ЕС. И в Москве прагматически настроенная часть правящего истеблишмента приходит постепенно к выводу, что за столом переговоров, путем компромиссов с западными партнерами, можно достичь намного большего, чем политикой ультиматумов и конфронтаций. Эта установка в отношениях Запад-Восток не влияет однако на внутреннюю политику страны, на отношения между государством и обществом. Хотя Путин и многие его соратники считают, что Россия «есть европейская держава», при этом они, однако, подчеркивают и самобытность страны, которая с их точки зрения нераз-

рывно связана с этатистским (т.е. с авторитарным) типом правления, якобы единственно возможным в российских условиях. Критиков этой установки власть имущие упрекают в незнании России. Однако для большинства европейцев «европеизм» сегодня неразрывно связан с идеей гражданского общества, правового государства и прав человека. Своим походом против этих идей, который особенно ярко выразился во время предвыборной кампании и парламентских выборов в декабре 2007 г. правящая бюрократия пытается бороться против «духа времени». Такого рода борьба, как известно, редко завершалась успехом. Каковы будут ее результаты в постсоветской России? Вопрос этот, как и многие другие затронутые в этой статье, остается открытым.